

ГОТЫ И ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И. В. Зиньковская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 22 февраля 2010 г.

Аннотация: в статье анализируется современная украинская историография изучения черняховской культуры в связи с готской проблемой. Отмечается факт существенных изменений взглядов украинских археологов на черняховскую культуру. Большинство украинских исследователей сходятся во мнении о том, что королевство Эрманариха – это вовсе не миф, а реальное раннегосударственное образование, существовавшее на Юге Восточной Европы IV в. н. э.

Ключевые слова: готы, славяне, веныды, анты, черняховская культура, государство Эрманариха.

Abstract: in the article the author analyzes the modern Ukraine historiography of studying Chernyahovskaya culture connecting with Goths problem. The author points out the fact of essential changing of views of Chernyahovskaya culture of Ukraine archaeologists. Most of them agree that the kingdom of Ermanaric is not a myth, but a real early state power, which existed in the south of East Europe in IV century AD.

Key words: Goths, Slavs, Venedi, Antes, Chernyahovskaya culture, state of Ermanaric.

До начала 90-х гг. XX в. среди украинских археологов во взглядах на проблему «черняховская культура и готы» наблюдался практически тот же спектр оценок, что и среди российских исследователей, может быть даже с преобладанием среди них приверженцев «славянской» и «полиэтнической» теорий. Однако после провозглашения независимости Украины все громче стал слышен голос сторонников готской принадлежности носителей черняховской культуры со всеми вытекающими отсюда историческими выводами. Неоднородность этнической структуры черняховского населения в III–IV вв. больше никем особо не оспаривалась, хотя в украинской лесостепи по-прежнему предпочитали видеть славян [1, с. 217–224]. Мнения украинских исследователей сходились относительно населения двух черняховских регионов: верховьев Днестра и Западного Буга, где, скорее всего, доминировали славяне, а также Северного Причерноморья, значительную часть населения которого составляли потомки скифо-сарматских племен. Такой подход получил отражение в коллективных трудах украинских археологов времени перестройки [2, с. 97; 3, с. 200]. Однако в дальнейшем взгляды многих из них начинают существенно изменяться.

Начать обзор современной украинской литературы по интересующей нас тематике следует с итоговой работы известного американского ученого украинского происхождения Омельяна Прицака «Происхождение Руси» (1997). В первом ее томе собраны и проанализированы скандинавские источники, в том числе и те, которые сохранили историческую память о готах и Эрманарихе [4, с. 242–276]. Правда, автор считает попытки сопоставления их данных с историческими событиями рубежа готской и гуннской эпох малоперспективными.

И. С. Пиоро еще в 70–80-х гг. активно исследовал вопрос о готах в Крыму. Итогом этой многолетней работы стала защита кандидатской диссертации в 1989 г., а годом позже – публикация небольшой монографии о Крымской Готии [5]. В ней подробно рассмотрена историография проблемы, а также проанализированы основные письменные и археологические источники. Археологическим отражением проникновения племен готского союза в Северное Причерноморье он считал памятники черняховской культуры, а одним из наиболее ярких свидетельств присутствия в ней германцев – рунические надписи, найденные на территории Украины, Молдавии, Румынии [5, с. 41]. В грунтовых могильниках Юго-Западного Крыма исследователь находил признаки смешения населения из северо-западных европейских областей, скорее

всего, германцев с сармато-аланами, хотя прямых свидетельств позднеантичных авторов о присутствии здесь именно готов неизвестно (впервые в «области Дори» их локализует лишь Прокопий Кесарийский). Однако приведенные автором материалы, в том числе керамика черняховского облика, характерные бронзовые фибулы и предметы вооружения из биритуальных могильников Юго-Западного Крыма, могут рассматриваться как надежное археологическое свидетельство пребывания племен готского союза в Таврике [5, с. 89–109, рис. 21–28 а]. Более взвешенный и лучше аргументированный взгляд на соотношения памятников классической черняховской культуры и крымских древностей III–V вв. изложен им в одной из последних статей [6, с. 231–241]. Но и в ней автор выводит носителей северных традиций в Крыму в конечном итоге из Скандинавии, хотя оговаривает, что по пути на юг их культура сильно осложнилась за счет инокультурных элементов, отражающих процесс вхождения переселенцев в состав разновременных этнокультурных племенных объединений [6, с. 234].

Один из ведущих украинских специалистов по археологии ранних славян В. Д. Баран в своих ранних работах утверждал, что черняховская культура формируется еще до обоснования готов в Северном Причерноморье [7, с. 152–162]. Он связывал с древнейшими славянами верхнеднепровскую группу черняховских памятников, а также памятники типа Хлопкова–Боромли на Левобережье Днестра с чертами киевской культуры, а с пришлыми германцами – памятники с элементами вельбаркской традиции [8, с. 172–182]. В конце 90-х гг. позиция этого исследователя несколько меняется и в чем-то сближается с классической модификацией готской теории М. Эберта. Согласно последней, готы, переселившись в Северное Причерноморье, наслоились здесь на разноэтничную массу местного населения и как господствующий слой во многом определили характер местной культуры. Согласно В. Д. Барану, в конце II – начале III в. (фаза B_2/C_1 центральноевропейской системы хронологии) происходит переселение значительных масс восточногерманских племен гото-гепидов из районов Нижней Вислы в Северное Причерноморье. По пути на юг на Волыни ими оставлены памятники вельбаркской культуры. Автор акцентирует внимание на том, что их археологическое изучение объек-

тивно показало, с чем готы реально пришли в Северное Причерноморье и кем они там стали (по материалам черняховского и других могильников). На его взгляд, переселившись на юг, они интегрировались в новую среду и совместно с местными группами населения стали одним из «важнейших факторов образования черняховской культуры» [8, с. 172]. По его заключению, именно готы являлись стержнем полиэтничного черняховского союза и способствовали интеграции в него разнокультурных элементов [8, с. 112–113].

В одной из последних статей В. Д. Баран далеко не во всем согласился с этнической интерпретацией Б. В. Магомедовым черняховской культуры в своей основе как готской [9, с. 91–102]. В первую очередь, он еще раз высказал возражения по вопросу о соотношении пришлых германских и местных субстратных племен в сложении черняховской культуры. Вслед за Д. Н. Козаком он считает, что на Волыни готы-переселенцы обитали весьма продолжительное время. Только со второй половины III в. в междуречье Днестра и Южного Буга, а также в других лесостепных районах появляются собственно черняховские памятники. Но здесь в отличие от Волыни пришельцы смешиваются с местным населением. Верхнеднепровские памятники типа Черепин и левобережные днепровские типа Боромли–Букреевки, как и буджакские древности типа Этулии, он считает раннеславянскими и связывает с венедами, выселившимися со своей «прародины» в Поднепровье на восток, северо-восток и юго-восток под готским давлением [9, с. 100–102]. В местном субстратном населении, подчинившемся готам, В. Д. Баран видит тех самых «скифов», которые принимали участие в «готских» войнах с Римом, не случайно называвшихся античными авторами «скифскими». По его мнению, черняховская гончарная керамика Верхнего Поднепровья изготавливалась выходцами из римских провинций. Поэтому он предлагает вообще не учитывать круговую сероглиняную посуду при изучении этнокультурных процессов [9, с. 97–98].

В целом исследователь положительно оценивает образование готской «державы». На его взгляд, позитивная роль готов состояла в том, что они, составляя верхние слои общества, создали такие социально-политические структуры, которые стимулировали его эконо-

мическое и культурное развитие. По его определению, черняховская культура – принципиально новое этнокультурное образование в условиях провинциально-римской периферии, которое сложилось вследствие интеграционных процессов, обусловленных появлением готов в «Скифии» и возникновением протогосударственных структур особенно во время Эрманариха [9, с. 96].

Несколько иных взглядов на рассматриваемую проблему придерживается Д. Н. Козак, исследовавший в Западной Украине ряд пшеворских и вельбаркских памятников, в том числе чисто вельбаркское поселение у с. Хринники [10; 11, с. 49–90]. Он полагает, что по пути на юг готские племена осели на 50–70 лет на землях современной Волыни и Подолии, вытеснив, как показывают археологические источники, местное население [12, с. 31–36]. Действительно, до появления пришельцев здесь обитали племена – носители зубрицкой и позднезарубинецкой культур, связываемые автором с венедами. Весьма показательным, что в последней четверти II в. н. э. все памятники этих культур внезапно прекратили свое существование и сменились поселениями и могильниками вельбаркской культуры. При этом часть зубрицкого населения отошла на юг в Верхнее Поднестровье, где неизвестны памятники вельбаркской культуры. При такой резкой смене археологической ситуации постепенный мирный процесс смены населения практически исключается. Д. Н. Козак подчеркивает, что никаких контактов между этими двумя народами, по археологическим и письменным данным, здесь не наблюдается [12, с. 25]. Видимо, по этой причине на археологических памятниках III–IV вв. Украины не зафиксировано смешение готских и венедемских материалов, но имеются смешения гото-сарматских и гото-фракийских элементов.

В последней обобщающей монографии «Венедамы» (2008) Д. Н. Козак пишет, что готы установили политическое господство над славянами и всеми другими племенами, которые населяли Украину во II–IV вв. н. э., кроме славянских группировок Верхнего Поднестровья и Днепровского Левобережья [13, с. 212–214]. При этом готы, занявшие Северное Причерноморье, отрезали венедам выход к морю и нарушили их связи с античными центрами. Ход его дальнейших рассуждений таков. Обладая военным преимуществом, готы разоряли поселения, сжигали и топтали посе-

вы, создавая тем самым нетерпимые условия для нормальной жизни. Со временем эта ситуация стала невыгодна для обеих сторон и был достигнут компромисс, который базировался на признании венедами политической и вассально-даннической зависимости от готов, при гарантии последними безопасности их жизни и возможности торговли с античными городами. По его мнению, этот военно-политический феномен и получил название «державе Эрманариха».

Бросается в глаза, что для реконструкции этнополитической ситуации на территории Украины III–IV вв. Д. Н. Козак явно использовал аналогию с более ранним владычеством скифов над земледельческим населением лесостепи. В «державе Эрманариха» он видел полиэтничное образование под эгидой готов, опирающееся на их военно-родовые связи. Отталкиваясь от материалов своих археологических исследований, ученый утверждал, что готы изначально проживали на вельбаркских селищах среди аборигенов. По его мнению, в основе этой аморфной организации лежало подчинение земледельческого населения военному господству германцев с целью получения последними дани. По этой причине между славянами и германцами на протяжении II–IV вв. сохранялись враждебные отношения. Эта напряженность в конечном итоге выплеснулась во второй половине IV в. в открытую войну с готами, ослабленными военным поражением от гуннов [13, с. 212–214].

Известный украинский исследователь славянских древностей О. М. Приходнюк попытался применить к черняховской проблематике цивилизационный подход. Он считал черняховское общество переходным к раннеклассовому, находящимся на пути к созданию собственной государственности и на этом основании предложил отказаться от традиционного названия «черняховская культура», заменив его на «протоцивилизацию» как более соответствующее уровню его социального развития [14, с. 65–67]. Исследователь полагал, что это понятие точнее передает суть черняховского феномена, так как в него вошли несколько разнокультурных и разноэтничных образований на уровне отдельных моноэтничных археологических культур, объединенных в единую черняховскую общность, надэтнические черты которой порождены высоким уровнем стандартизации ремесленного производства [15, с. 321–322]. При этом О. М. При-

ходнюк утверждал, что славяне затерялись в «высокоразвитой черняховской общности», а единственным народом – создателем этой общности, по его мнению, «могли быть только готы» как «единственные пассионарии» на близлежащем пространстве [16, с. 34]. Здесь явно чувствуется влияние идей Л. Н. Гумилева.

Безусловно, ведущим украинским специалистом по черняховской культуре и связанной с нею этноисторической проблематике сейчас является Б. В. Магомедов. Ему принадлежит капитальный труд, посвященный черняховской культуре в целом, изданный в 2001 г. в Польше [17]. Он включает не только наиболее полную сводку черняховских памятников (учтено около 3,5 тысяч!), открытых на территории Украины, Молдовы, России, но и их археологический анализ, выполненный на современном научном уровне. Причем, последний не ограничивается обычной для большинства археологических работ характеристикой поселений и погребальных памятников, а также классификацией вещевого комплекса. В книге много внимания уделено изучению этнического состава черняховского населения, впервые опубликован очерк его истории. Поэтому не случайно труд Б. В. Магомедова сразу стал настольной книгой всех исследователей, которые занимаются черняховской и смежной с ней проблематикой. Он получил высокую оценку специалистов [18, с. 145–149].

По мнению Б. В. Магомедова, черняховская культура возникла на основе вельбаркской культуры польского Приморья при сильном провинциально-римском влиянии. Главным ее археологическим признаком он считает гончарную керамику «черняховского типа», а также некоторые типы вещей, выработанные на основе центральноевропейских образцов [19, с. 17]. В черняховской культуре он выделяет три типа археологических памятников: «тип Косанов», «тип Черепин–Теремцы» и «Причерноморский тип», ранее изученный им монографически [19, с. 87]. При этом памятники «типа Косанов» представлены не только в Правобережье, но и Левобережье Днестра. На основе двух последних типов Б. В. Магомедов выделил две большие локальные группы черняховских памятников – верхнеднестровскую и причерноморскую.

Исследователь весьма определенно высказал свою позицию по долго дискутировавшемуся вопросу об этнической принадлежности

черняховцев. По его мнению, этническую основу черняховской культуры создали германские племена, а основную массу ее населения составляли готы [19, с. 41–43, 115]. С ними он связывает большинство черняховских памятников, на которых прослеживаются характерные элементы вельбаркской культуры и которые условно относятся к «типу Косанов». По представлениям этого ученого, готы еще до переселения в Причерноморье в этническом отношении уже не были генетически единым народом (как на их исторической прародине, которую исследователь локализует в Южной Швеции). С ними в Поморье, в рамках вельбаркской культуры смешивалось население автохтонных германских культур – оксывской и ясторфской, а по пути на юг еще в Польше – пшеворской. Процессы миксации продолжались и на понтийском этапе этнической истории готов. Б. В. Магомедов допускает, что и здесь в германские общины спорадически включались представители других этносов с элементами своих культур (поздние скифы, сарматы, славяне, фракийцы). На Юге Восточной Европы формирование новой этнокультурной общности проходило при мощном воздействии провинциально-римской цивилизации [17, с. 113–114].

На памятниках «типа Косанов», связываемых Б. В. Магомедовым с готским этносом, представлены наземные каркасные жилища (от квадратных в плане до «длинных домов») и несколько меньше полуземлянки. В погребальном обряде характерны биритуальные могильники с ингумациями в простых ямах с северной ориентировкой. Лепная керамика представлена в основном вельбаркскими формами. Памятники остальных двух типов сосредоточены в областях компактного проживания негерманских народов. В рамках черняховской культуры они образуют особые культурно-этнические группы: верхнеднестровскую и причерноморскую. Б. В. Магомедов согласился с теми исследователями, которые связывают верхнеднестровскую группу с ранними славянами-венетами, наследниками зубрицкой культуры, а в будущем – с создателями раннеславянской пражской культуры. В отличие от верхнеднестровской причерноморская группа памятников, по его мнению, имела смешанное население: среди него были германцы-готы, но отличительные особенности этой группы определяли поздние скифы и аланы. При этом поздние скифы составляли

в черняховском обществе особую торгово-ремесленную прослойку. Вследствие вынужденных миграций начала гуннской эпохи германское и скифо-сарматское население покидает черняховский ареал. Решающей силой в лесостепной зоне становятся славянские племена – наследники древностей типа Черепин–Теремцы и киевской культуры, которые в новых исторических условиях создают раннеславянскую пражскую и пеньковскую культуры [17, с. 151].

Весьма показательным для современного уровня развития черняхововедения является то, что Б. В. Магомедов не ограничился лишь археологическим анализом черняховской культуры, но попутно рассмотрел некоторые исторические, социальные и этнографические аспекты готской проблемы. Он привел ряд новых археологических данных, еще раз подтвердивших старый тезис о том, что в экономическом отношении черняховское население существенно выделялось на фоне соседних варварских народов (плужное земледелие, ручные мельницы римского типа и др.) [17, с. 89]. При этом наивысший экономический расцвет черняховского общества приходится на вторую–третью четверть IV в. [17, с. 141]. Проведенный исследователем анализ материалов черняховских могильников позволил выявить признаки социальной стратификации в черняховском обществе [17, с. 31–32]. Правда, по данным погребальных памятников, она, на наш взгляд, оказалась не такой уж развитой, если учесть в целом весьма высокий уровень социально-экономических и товарно-денежных отношений в черняховском социуме, устанавливаемый по другим категориям находок (гончарный круг, римский импорт, многочисленные монетные клады и т.п.). Отметим, что до сих пор в черняховской культуре неизвестны захоронения высшего социального ранга – лиц, которые в позднеантичных источниках носили титул *regulus*, не говоря уж о *rex*. Кажется, до этого уровня не дотягивают даже выделенные Б. В. Магомедовым по аналогии с германскими так называемыми «княжеские погребения» [17, с. 31–33]. Лишь знаменитый клад из Петроассы в Румынии, содержащий роскошные золотые изделия общим весом около 19 кг, мог быть частью инвентаря погребения высшего «королевского» ранга. Но территориально и хронологически он уже относится к последующему этапу готской истории.

Отдельный параграф обсуждаемой монографии посвящен «эре Эрманариха» [17, с. 141–143]. По мнению автора, в годы правления этого короля (330–375 гг.) готский союз племен приобретает черты раннего государства [17, с. 82]. Б. В. Магомедов полагает, что покорить и удерживать в подчинении на протяжении полутора веков население на огромной территории от низовьев Дуная до Левобережья Днепра готам позволяло изначально превосходство в военной организации и вооружении. В отличие от большинства российских и украинских ученых, основное ядро «державы» Эрманариха исследователь локализует в Поднепровье, где обычно размещали славяноантов. Он соглашается с теми исследователями, которые видели в Эрманарихе прообраз могущественного эпического короля Рейдготаланда Хейдрека: как и Эрманарих, этот герой германских сказаний после многих военных успехов погиб от рук своих подданных. Следуя старой дореволюционной историографической традиции, ученый поддержал и другие отождествления исторических персонажей готской истории с героями раннесредневековых германских саг [17, с. 145; 20, с. 39–47].

Б. В. Магомедов обратил внимание на то, что именно на время правления Эрманариха (вторая–третья четверти IV в.) приходится резкое увеличение числа черняховских памятников и пик поступления массовых римских импортов в черняховские земли. По его мнению, полное подчинение готами народов, живущих на берегу Балтики или в бассейне Волги и Оки, не представляется возможным. Конкретной задачей политики Эрманариха были нейтрализация торговых посредников и свободное, «беспошлинное» поступление товаров из отдаленных областей с последующей их перепродажей провинциальным партнерам [20, с. 142]. В то же время рассказ Иордана о покорении готами венедов, на его взгляд, вполне соответствует массовому распространению черняховских памятников во второй четверти IV в. в лесостепной зоне Восточной Украины, которая входила до этого в область сейминско-донецкой группы киевской культуры. Наступление готов на киевское население началось с рубежа III–IV в. и сопровождалось грабежами и захватом пленных. Исследователь полагает, что равноправное сожительство германских и славянских общин в этих условиях не представляется возможным [17, с. 143]. Вытесненное готами население Днеп-

ровского Левобережья уходит на север и восток, увеличивая плотность заселения деснинской группы киевской культуры.

Как и его предшественники, Б. В. Магомедов считает, что финальный этап черняховской культуры связан с политическими событиями гуннского периода. В результате гуннского нашествия и гибели могущественного остроготского короля его «держава» распалась, по крайней мере, на три части, возглавляемые вождями Витимиром, Винитарием и Гезимундом. На основе археологических материалов группу Витимира Б. В. Магомедов локализует в Восточной Украине, которая оказалась в природном и военно-политическом отношении самой уязвимой. После завоевания региона Эрманарихом в течение 30–40 лет быстро росло население. Здесь Витимиру удалось привлечь в союзники одно из аланских племен, вождем которого был Сафракс. После гибели Витимира «дуксы» Алатей и Сафракс, видя бесперспективность дальнейшей борьбы с гуннами, уводят уцелевших готов и алан на римский берег Дуная. В качестве археологического аргумента этого переселения исследователь обращает внимание на перенос из Днепровского Левобережья на территорию Мунтении и Молдовы некоторых специфических типов гончарной черняховской посуды: каннелированные кувшины типов 1 и 6, вазы «левобережного» типа в комплексах ступени D₁ [17, с. 144]. Вскоре после ухода этой группы готов на опустевшие земли Левобережья возвращается славянское население: на реках Псел и Сула возникают посткиевские поселения типа Сенчи и Кургана Азак.

Киевский исследователь вполне осознает, что в отличие от готов Витимира гораздо труднее локализовать остроготские группировки Винитария и Гезимунда. Он исходит из того, что Винитарий был родственником Эрманариха, после него королевский титул наследовали прямые потомки последнего – сын Гунимунд и внук Торисмунд. На этом основании он допускает, что им могли подчиняться земли, составлявшие ранее ядро былой «державы» Эрманариха [17, с. 145]. Если ее центром был легендарный Данпарстадир готских саг, – рассуждает исследователь, – то группа Винитария размещалась где-то в Поднепровье. По мнению Б. В. Магомедова, этот «Днепровский град» следует искать в районе Днепровских порогов, учитывая concentra-

цию здесь черняховских древностей, включая городище в Башмачке и подкурганные кремации готской знати [17, с. 21]. Однако заметим, что по своим масштабам и комплексу находок указанный исследователем памятник вряд ли мог быть столицей огромной готской «державы». К тому же недавно высказано весьма серьезное сомнение в принадлежности Башмачки и других нижнеднепровских городищ черняховской культуре [21, с. 60–72].

По мнению Б. В. Магомедова, группа Винитария оставалась на прежних местах как минимум до 419 г. С этим неплохо согласуется наличие в Центральной Украине ряда позднечерняховских памятников с хроноиндикаторами раннегуннского времени. Причиной войны Винитария с антами Божа, по его мнению, скорее всего, было возвращение славян киевской культуры на земли Днепровского Левобережья, которые Винитарий как наследник Эрманариха считал своими подданными. Отметим, что чуть раньше близкую идею высказал М. М. Казанский, локализовавший в Днепровском лесостепном Левобережье несколько малых остроготских королевств самого начала гуннской эпохи, в том числе и владения Винитария [22, с. 181–193]. Группу остроготов Гезимунда, на взгляд Б. В. Магомедова, скорее следует искать в Причерноморском регионе, где готы жили в тесном контакте с аланами – союзниками гуннов. Центром этой группы могли быть хорошо укрепленные городища Городок или Александровка.

На основании анализа самых поздних комплексов Б. В. Магомедов считает, что черняховская культура прекращает существование в первой половине V в. Последние группы готов, основных носителей этой культуры, покинули земли Восточной Европы в 432 г. вместе с гуннами, когда их вождь Руа начал войну на Дунае, или вскоре после 433 г., когда Атила перенес ставку из Северного Причерноморья в Паннонию [17, с. 141–148]. После их ухода исчезает и сама черняховская культура. Из ее носителей на прежних местах обитания остается только славянское население Верхнего и Среднего Днестра (памятники типа Черепин–Теремцы), а «посткиевское» славянское население начинает продвижение на ее бывшую территорию. Автор обращает внимание на то, что следы контактов с германцами сохранились в славянских языках, часть этих слов, связанных с военным

делом, хозяйством и разными направлениями культурной деятельности, вероятно, может иметь готское происхождение [17, с. 141–148].

Книга Б. В. Магомедова хотя и не решила до конца основные вопросы готской проблемы в Северном Причерноморье, тем не менее убедительно продемонстрировала, какими когнитивными возможностями располагает современное черняховедение для изучения интересующей нас темы. По существу в ней в систематизированном и хорошо проработанном виде, часто в виде весьма информативных таблиц представлен новый массовый источник, без учета которого сейчас невозможно продвигаться вперед в изучении истории Юга Восточной Европы в целом и проблемы «королевства Эрманариха» в частности.

Не остался в стороне от интересующей нас проблематики и ведущий украинский специалист по раннеславянской археологии Днепропетровского Левобережья Р. В. Терпиловский. Он неоднократно обращался к вопросу взаимоотношений готов державы Эрманариха и древних славян. В наиболее завершенном виде его взгляды изложены в итоговом монографическом исследовании [23]. Он признает, что в начале IV в. отдельные группы носителей черняховской культуры с вельбаркской традицией незначительно продвигаются на север, на территорию, ранее занятую племенами киевской культуры. В первых он видит готов, во вторых – славян-венетов, поскольку они являются прямыми потомками «позднезарубинецких» венетов Тацита и предшественниками раннеславянских группировок VI в., известных Иордану и Прокопию. Сложившуюся в лесостепи в IV в. ситуацию исследователь связывает с описанными Иорданом войнами готов с венетами. К концу этого времени черняховско-вельбаркское население практически вытесняет из лесостепи киевские племена. Археологически это подтверждается тем, что на ряде селищ киевский горизонт перекрыт черняховским слоем. Продвижение готов сопровождалось военными столкновениями. В результате описанных событий некоторая часть венетского населения в южной части Среднего Поднепровья и, особенно, на востоке Левобережья попала в политическую и экономическую зависимость от державы Эрманариха, следствием чего явилась культурная и этническая ассимиляция этих венетских групп. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что памятники киевской культуры

развитого IV в. известны в Днепровском Левобережье исключительно за пределами черняховской территории, к северу и востоку от нее. Вместе с тем наличие довольно четкой границы между киевской и черняховской культурами в этот период, относительная немногочисленность черняховских импортов в лесной зоне, вероятно, указывают на преувеличение Иорданом значения поражения венетов. Скорее всего, «северные народы» были лишь номинально зависимы от готского племенного союза.

Р. В. Терпиловский связывает с войной Винитария против антов Божа археологическую ситуацию в Черниговском Подесенье, где, по данным археологии, проходило пограничье готского и венето-антского ареалов в самом начале финальной стадии киевской и черняховской культур. При этом анты, описанные Иорданом и Прокопием, в научной традиции последних десятилетий связываются с носителями пеньковской культуры. На этом основании исследователь с большой долей вероятности предполагает, что этот этноним уже применялся какими-то скифо-сарматскими группировками к предкам «пеньковцев», оставившим памятники типа Хлопков и Роище, известных ранее готам-германцам под именем «венеты».

Р. В. Терпиловский объясняет угасание черняховской культуры в первой половине V в. окончательным утверждением господства гуннов на Юге Восточной Европы, крахом провинциально-римской системы связей и эколого-демографическим кризисом. В результате остrogоты и ряд других племен уходят на запад, в пределы Империи [23, с. 94–95].

Историографии черняховской проблематики Днепровского лесостепного Левобережья посвящено исследование харьковского археолога М. В. Любичева [24]. В ряде последующих публикаций он вполне обоснованно выделил здесь дочерняховский горизонт памятников «типа Боромля», культурно близкий верхнеднепровскому типу «Черепин–Теремцы». По его мнению, левобережные памятники «типа Боромля» были оставлены славянскими переселенцами из Верхнего Поднепровья [25, с. 71–81]. Лишь с рубежа III–IV вв. в Левобережье Днепра появляются собственно черняховские памятники с вельбаркскими элементами, свидетельствующими о включении и этого региона в готскую «державу».

Из других историографических работ еще раз отметим исследование В. Ю. Юрочкина,

посвященное истории изучения и осмысления феномена Крымской Готии [26, с. 100–201]. Значительная его часть посвящена вопросам этнической истории Таврики времени «державы» Эрманариха. Для нашего исследования определенный интерес представляет мысль автора (так или иначе присутствующая у его предшественников) о том, что на протяжении своей длительной истории готы несколько раз полностью меняли свой культурный облик, но от этого они не переставали быть готами [26, с. 199–200].

Помимо рассмотренных выше монографических трудов, охватывающих проблематику черняховской культуры в целом, в начале нынешнего века на Украине вышли многочисленные публикации, посвященные анализу ее отдельных локальных вариантов или групп памятников. Б. С. Строцень монографически изучил черняховские памятники Западного Подолья [27]. М. Е. Левада попытался выявить в археологических материалах Северного Причерноморья следы «других германцев»: герулов, вандалов, боранов [28, с. 194–249]. А. А. Васильев проанализировал соотношение сарматских и черняховских памятников Буджака второй половины III – начала V в. [29]. Ему удалось установить, что в формировании черняховского населения этого региона приняли участие германцы, выходцы из лесостепных областей, местное сарматизированное население и мигранты из Крыма. Данные письменных источников позволили автору связать появление в Буджаке черняховского населения с договором, заключенным в 332 г. н.э. между готами и Римом, а его исчезновение в начале V в. – с перемещением на Дунай подвластных гуннам племен [29, с. 16].

На рубеже XX–XXI вв. пристальное внимание специалистов по готской проблематике приобрела публикация находки с г. Опук в Крыму [30, с. 77–97]. Здесь была обнаружена каменная стела с надписью, принятой за руническую, хотя в примечании к статье редколлегия сборника высказала серьезные сомнения в ее подлинности. Тем не менее сразу после ее публикации вышел в свет ряд статей, где эта стела использовалась в качестве едва ли не ключевого свидетельства присутствия герулов или готов в Крыму [31, с. 320–325]. Мимо этой интригующей находки не мог пройти и М. Б. Щукин, посвятивший ей небольшое эссе в своей монографии [32, с. 428–429]. Однако вскоре сенсация лопнула – камень оказался подделкой, но публикации о нем остались.

Завершая историографический обзор современного состояния изучения готской проблемы и черняховской культуры, следует назвать несколько последних тематических российско-украинских сборников, содержащих новые материалы по интересующей нас тематике. Это сборник «Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье», изданный в Санкт-Петербурге в 2004 г. [33], сборник «Готы и Рим», изданный в Киеве в 2006 г. [34], сборник «Germania–Sarmatia», изданный в Калининграде в 2008 г. [35] и сборник «Ostrogothica», изданный в 2009 г. в Харькове [36].

Опубликованные в последние годы материалы свидетельствуют, что в российской и украинской науке конца XX – начала XXI в. наблюдаются сходные тенденции в осмыслении феномена «державы» Эрманариха. Практически все современные украинские исследователи, в том числе слависты, едины во мнении о том, что королевство Эрманариха – это вовсе не миф, а масштабное постаршее образование, существовавшее на Юге Восточной Европы IV в. н. э. О нем сохранились надежные свидетельства не только в письменных, но и в археологических источниках. Сам факт исторического существования «regnum» Эрманариха, а также его «деяний» установлен благодаря информации, сохранившейся в литературной традиции. Но совершенно очевидно, что именно благодаря археологии мы с каждым годом получаем все более объективный, а главное совершенно не зависимый от древних нарративов источник, раскрывающий те стороны жизни «подданных» Эрманариха, которые в силу разных причин не попадали на страницы исторических сочинений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокур И. С.* Вельбарские элементы и черняховские древности лесостепной Украины II–IV вв. / И. С. Винокур // *Kultura wielbarska w miodszym okresie rzymskim.* – Lublin, 1989. – № 2.
2. *Баран В. Д.* Черняховская культура / В. Д. Баран, Б. В. Магомедов // *Археология Украинской ССР.* – Киев, 1986. – Т. 3.
3. *Баран В. Д.* Определяющие тенденции развития материальной культуры населения Юго-Восточной Европы в первой половине I тыс. н.э. / В. Д. Баран // *Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период.* – Киев, 1990.
4. *Прицак О.* Походження Русі. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг) / О. Прицак. – Київ, 1997. – Т. 1.

5. *Пиоро И. С.* Крымская Готия / И. С. Пиоро. – Киев, 1990.
6. *Пиоро И. С.* Черняховская культура и Крым / И. С. Пиоро // 100 лет черняховской культуре. – Киев, 1999.
7. *Баран В. Д.* Черняхівська культура : за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу / В. Д. Баран. – Київ, 1981.
8. *Баран В. Д.* Давні слов'яни / В. Д. Баран. – Київ, 1998.
9. *Баран В. Д.* Черняхівська культура – поліетнічне утворення на території південно-східної Європи // Археологія давніх слов'ян / В. Д. Баран. – Київ, 2004.
10. *Козак Д. Н.* Етнокультурна історія Волині (I ст. до н. е. – IV ст. н. е.). / Д. Н. Козак. – Київ, 1992.
11. *Козак Д. Н.* Поселення готів на Хрінницькому водоймищі (с. Хрінники, ур. Шанків Яр) // Археологія давніх слов'ян / Д. Н. Козак. – Київ, 2004.
12. *Козак Д. Н.* До проблеми співіснування слов'ян і германців в Україні у другій чверті I тис. н. е. / Д. Н. Козак // Старожитності Русі – Україні. – Київ, 1994.
13. *Козак Д. Н.* Венеди / Д. Н. Козак. – Київ, 2008.
14. *Приходнюк О. М.* Про форми та зміст етнокультурних археологічних структур (фінальна стадія первіснообщинного ладу) / О. М. Приходнюк // Старожитності Русі–Україні. – Київ, 1994.
15. *Приходнюк О. М.* Археологічні общности періода переходу к раннеклассовым образованиям / О. М. Приходнюк // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V тыс. н. э.). – Тирасполь, 2002.
16. *Приходнюк О. М.* Про культурно-історичний зміст черняхівської спільності / О. М. Приходнюк // Сто років вивчення культур полів поховань на Україні : тези доповідей семінару. – Київ, 1999.
17. *Магомедов Б. В.* Черняховская культура. Проблема этноса / Б. В. Магомедов // Monumenta Studia Gothica. – Lublin, 2001. – Т. 1.
18. *Пиоро И. С.* Рец.: Б. В. Магомедов. Черняховская культура. Проблемы этноса. Monumenta Studia Gothica. – Lublin, 2001. – Т. 1. / И. С. Пиоро // Археологія. – 2003. – № 1.
19. *Магомедов Б. В.* Черняховские племена Северо-Западного Причерноморья / Б. В. Магомедов. – Киев, 1987.
20. *Магомедов Б. В.* К истории финального этапа черняховской культуры / Б. В. Магомедов // 100 лет черняховской культуре. – Киев, 1999.
21. *Левада М. Е.* Миф о черняховских городищах / М. Е. Левада // Готы и Рим. – Киев, 2006.
22. *Казанский М. М.* Остроготские королевства в гуннскую эпоху : рассказ Иордана и археологические данные / М. М. Казанский // Stratum plus ПАВ. – СПб. ; Кишинев, 1997. – С. 181–193.
23. *Терпиловский Р. В.* Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н.э. / Р. В. Терпиловский // Monumenta Studia Gothica. – Lublin, 2004. – Т. III.
24. *Любичев М. В.* Черняховская культура Днепро-Донецкой лесостепи / М. В. Любичев. – Харьков, 2000.
25. *Любичев М. В.* К вопросу о времени появления памятников черняховской культуры на Днепро-Донецком водоразделе / М. В. Любичев // Российская археология. – 2003. – № 3.
26. *Колтухов С. Г.* От Скифии к Готии / С. Г. Колтухов, В. Ю. Юрочкин. – Симферополь, 2004.
27. *Строценъ Б. С.* Черняхівська культура Західного Поділля / Б. С. Строценъ. – Тернопіль, 2008.
28. *Левада М. Е.* «Другие германцы» в Северном Причерноморье позднего римского времени / М. Е. Левада // Боспорские исследования. – Симферополь ; Керчь, 2006. – Вып. 11.
29. *Васильев А. А.* Сарматы и черняховское население Буджака во второй половине III – начала V в. н.э. / А. А. Васильев : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 2008.
30. *Голенко В. К.* Рунический камень с г. Опук в Крыму и некоторые проблемы истории северо-причерноморских германцев / В. К. Голенко, В. Ю. Юрочкин [и др.] // Древности Боспора. – 1999. – Вып. 2.
31. *Хлезов А. А.* Руны с горы Опук : возможности интерпретации / А. А. Хлезов // Боспорский феномен. – 2002. – Ч. 2.
32. *Щукин М. Б.* Готский путь (готы, Рим и черняховская культура) / М. Б. Щукин. – СПб., 2005.
33. Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и раннем Средневековье. – СПб., 2004.
34. Готы и Рим : сб. науч. статей, посвящ. памяти И. С. Пиоро. – Киев, 2006.
35. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов («Germania-Sarmatia»). – Калининград, 2008.
36. Археология Центральной и Восточной Европы позднеримского времени и Эпохи Великого переселения народов : сб. науч. трудов к 10-летию Германо-Славянской экспедиции Харьковского нац. ун-та (Ostrogothica). – Харьков, 2009.

Воронежский государственный университет

Зиньковская И. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Тел.: 24-75-14

Voronezh State University

Zinkovskaya I. V., Candidate of the Historical Science, Associate Professor of the Middle Ages and Foreign Slavic Nations Department

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Tel.: 24-75-14